

Ю.С. Ершов, Л.В. Мельникова

СИБИРСКИЙ ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ОКРУГ: СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

В статье рассмотрены структурные и институциональные факторы, определявшие уровень и динамику макропоказателей в Сибирском федеральном округе в течение последних 20 лет. Выявлена тенденция к периферизации, проявляющаяся в отставании округа по большинству социально-экономических показателей от национального уровня. Показаны причины изменений пространственной структуры регистрируемых статистикой итогов экономической деятельности и доходов, обусловившие концентрацию доходов в столичном регионе и снижение формальных показателей участия в общих результатах у большинства нестоличных регионов. Сформировавшийся разрыв между реальной структурой размещения производительных сил и результирующими макропоказателями определяет фактическое межрегиональное перераспределение финансовых ресурсов, которое является одним из важнейших факторов сильной дифференциации уровней жизни. В статье подчеркнута роль отраслевой реструктуризации в формировании отставания экономики СФО по уровню производительности труда. Рассмотрены возможности и ограничения экономического роста в СФО со стороны трудовых и инвестиционных ресурсов.

Ключевые слова: пространственная структура экономики; динамика экономических показателей; Сибирский федеральный округ; субъекты Федерации; столичный регион; ограничения и ресурсы регионального роста; периферия и периферизация

Для цитирования: Ершов Ю.С., Мельникова Л.В. Сибирский периферийный округ: стабильность или стагнация? // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 90–119. DOI: 10.15372/REG20240404.

ВВЕДЕНИЕ

Популярная литература о советской Сибири немало способствовала созданию представления о ней как о территории высоких темпов роста. Но поскольку в советской статистике региональный разрез макроэкономических показателей (валового общественного продукта и национального дохода) отсутствовал, то оценки роста возможны только по неполным и косвенным данным, таким как численность населения и занятых в экономике, объемы промышленного производства, строительных работ, розничного товарооборота, капитальных вложений. На основе косвенных оценок можно утверждать, что по крайней мере с 60-х годов экономика Сибири¹ росла темпами, лишь немного превышающими средние по РСФСР. При этом действовали ограничители роста: так, спрос на рабочую силу рос опережающими темпами, и многие регионы Сибири считались трудодефицитными.

С конца прошлого века и до наших дней динамика производства и потребления Сибири в целом уступает среднероссийской. Эта проблема находится в фокусе постоянного внимания ученых, вынужденных констатировать, что, вопреки предвидению Д.И. Менделеева о смещении хозяйственной деятельности в восточном направлении, Сибирь начинает «тормозить» в своем развитии [1]. Оценки, выставляемые исследователями Сибирскому федеральному округу, варьируют от «срединного» уровня в ряду прочих округов [3] до положения «аутсайдера» экономического развития [1] и территории, которая скатывается «на обочину развития страны» [6]. Среди причин обсуждаются как географические факторы (удаленность и зональность) [6], так и политические, в частности низкий приоритет Сибири как объекта региональной политики [3] и недостатки самой системы стратегического планирования на национальном и межрегиональном уровнях [2]. Весомый вклад в отставание вносят структурные и институциональные факторы.

Динамика многих социально-экономических показателей Сибирского региона в течение последних десятилетий вынуждает констатировать, что происходила его постепенная периферизация. Перифе-

¹ В советское время рост экономики определялся динамикой только материального производства (производства товаров и материальных услуг).

рийный статус региона не сводится к статическим характеристикам, таким как континентальность или недонаселенность Сибири. Физическая удаленность хотя и задана, но неуклонно сокращается в ходе развития средств транспорта и связи, а миграция населения реагирует на стимулы. Но когда происходит динамическое ухудшение позиции региона по многим показателям, говорят о его периферизации – процессе, являющемся оборотной стороной централизации [11]. В ходе централизации столичные регионы привлекают к себе человеческие и финансовые ресурсы и увеличивают свой вес во властных отношениях. Поэтому периферия как опустевшее место, удаленное от центров принятия решений, может быть порождена общественными отношениями в любой области пространства.

В настоящей статье периферизация рассматривается как многомерный динамический процесс снижения статуса региона по сравнению с другими регионами, измеряемый отрицательной динамикой доли региона в экономических и других показателях. Цель статьи – проанализировать роль структурных и институциональных факторов в этом процессе. Сначала мы продемонстрируем, как менялась позиция Сибирского федерального округа на фоне средних по стране показателей производства добавленной стоимости за период 2001–2022 гг. с учетом особенностей ее статистического учета и отраслевой структуры. Далее с помощью структурного анализа исследуем влияние отраслевой структуры экономики СФО на замедление роста производительности труда и экономического роста в целом. И наконец, рассмотрим ресурсные ограничения регионального роста, которые в части трудовых ресурсов создаются демографическими и миграционными трендами, а в части финансовых ресурсов – конкуренцией за федеральные средства и доходами населения округа.

ПОЗИЦИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Экономику Сибирского федерального округа мы рассматриваем в границах, установленных в 2018 г., что, строго говоря, не соответствует географическому понятию Сибири как российской территории за Уралом, ограниченной горными хребтами Тихоокеанского

водораздела². Изменения сначала в экономическом районировании, а затем в административно-территориальном делении независимо от их обоснований привели к тому, что теперь Сибирь отождествляется с Сибирским федеральным округом, занимающим лишь 45% территории бывших Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов. Была бы жизнь в СФО лучше, если бы в его границах остались Тюменская область и Якутия? Усредненные по округу показатели, безусловно, оказались бы выше, но поскольку относительно благополучные субъекты Федерации не обязаны делиться своими доходами даже с соседями по округу, а федеральные представительства в округах не имеют ни финансовых ресурсов, ни полномочий для такого перераспределения, то экономическое положение субъектов, входящих в современный СФО, осталось бы без заметных изменений.

В советский период Сибирь и большинство субъектов на территории современного СФО отличались повышенными темпами роста экономики и численности населения. Ученые-сибиряки объясняли этот факт прежде всего наличием здесь больших запасов разнообразных природных ресурсов [5]. И на качественном уровне, и на основе расчетов по межрегиональным межотраслевым моделям доказывалось, что и в перспективе опережающие темпы экономического роста сибирских регионов выгодны не только для них самих, но и в первую очередь для всей страны [7]. При этом добыча нефти и газа была не единственным видом деятельности, с которым связывались проектируемые темпы роста, обосновывались также перспективы развития крупнейшего Ангаро-Енисейского территориально-производственного комплекса как территории относительно компактного размещения и добывающих производств, и отраслей глубокой переработки сырья. Необходимость перехода к экономической политике, которая могла бы исправить, хотя бы частично, сложившиеся пространственные диспропорции в отношении Сибири, и в частности СФО, регу-

² Максимально близким к географическому определению Сибири был состав Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов в 1956 г., включавший Курганскую и Тюменскую области, Бурятию, Забайкалье и Якутию [4].

лярно обосновывается и поныне [8; 9]. Помимо его целесообразности в части позитивного воздействия на экономику всей страны, констатируется и необходимость перехода к более справедливому (в пространственном аспекте) распределению итогов экономической деятельности [10].

В начале рыночных реформ позиции Сибири представлялись выигрышными: с учетом экспортного потенциала и низкого курса рубля по отношению к паритету покупательной способности субъекты современного СФО должны были увеличить свою совокупную долю в экономических результатах страны, что, по косвенным данным (динамике заработной платы и промышленного производства), и имело место по 1995 г. за счет опережающего роста номинальных показателей в Красноярском крае, Иркутской и Кемеровской областях. Но в дальнейшем, после 1995 г., субъекты СФО потеряли треть своего суммарного удельного веса в российском ВРП – он снизился с 15,3 до 9,3%. Помимо фактора ресурсной обеспеченности, стали действовать более сильные институциональные и структурные факторы. То, что обычно называют пространственной структурой производства, фактически стало пространственной структурой регистрации доходов, тогда как размещение производственного аппарата, т.е. зданий и сооружений, машин и оборудования, равно как и результатов производства, измеряемых в тоннах, кубометрах и т.д., оставалось прежним. Произошедшие позже изменения в пространственной структуре доходов, разумеется, обусловили и определенные изменения в реальном размещении производительных сил, прежде всего в сфере услуг и инфраструктуры.

Институциональные факторы внесли решающий вклад в радикальное изменение пространственной структуры экономики страны в конце прошлого века и первом десятилетии текущего. Всего за пять лет доля Москвы в суммарном ВРП выросла с 9,7% в 1995 г. до 20,1% в 2000 г. и достигла своего пика (24,3%) в 2008 г. В то время начались процессы территориального перераспределения доходов внутри вертикально интегрированных компаний между непосредственными производителями и управляющими структурами на фоне продолжительного и значительного улучшения внешнеэкономической конъюнктуры.

юнктуры. Соответственно, произошли значительные улучшения в бюджетной обеспеченности столицы и некоторых субъектов с доминированием нефтегазовой промышленности.

Доходы головных контор крупных корпораций концентрировались не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях. После 2008 г. пространственная структура экономики стабилизировалась в соотношении 1:2, т.е. около 33% ВРП относились на счет «столичного региона» (в составе двух столиц и окружающих их областей) и 67% – на счет остальных субъектов. В 2022 г. доля добавленной стоимости, зафиксированной на территории столичного региона, достигла 34,9% от суммы региональных объемов ВДС, вдвое превысив соответствующую долю 1995 г., но на перспективу дальнейшая ее концентрация здесь представляется маловероятной даже в условиях продолжающегося роста численности его жителей. Самое последнее значимое изменение пространственной структуры экономики произошло в 2021 г. и было следствием смены прописки «Газпрома». В итоге доля Санкт-Петербурга в суммарном ВРП подскочила до 7,7% против 5,6% годом ранее.

Изменение пространственной структуры доходов – это объективный для современной экономики процесс. Для осуществления инвестиций необходима прежде всего концентрация финансовых ресурсов, что и выполняют головные офисы корпораций. И по совокупности очевидных причин наиболее удобным местом их расположения являются Москва и Санкт-Петербург. Это трудно оспаривать, но недовольство периферии вызывает не сам факт концентрации ресурсов и управления в центрах, а ее последствия, такие как межрегиональная дифференциация уровня жизни, недостаточная обеспеченность региональных бюджетов и принадлежность большинства субъектов Федерации к так называемым регионам-реципиентам.

Чтобы нивелировать фактор регистрации добавленной стоимости не по месту производства, оценим вклад СФО в национальные показатели и в показатели «нестоличной» России как суммы субъектов за вычетом вышеперечисленных четырех. Так, если рассматривать долю СФО в российском ВРП, то она уменьшилась на 1,7 п.п. (с 11%

в 2000 г. до 9,3% в 2022 г.), в то время как относительно нестоличной России – на 0,9 п.п. (с 15,2 до 14,4%)³.

Изменение территориальных пропорций распределения ВДС следовало из различающихся темпов экономического роста в регионах. Как показано на рис. 1, индексы физического объема ВРП СФО заметно уступали показателям по России в целом. Рост объемов ВРП РФ за 22 года составил 210%, рост ВРП СФО – 197%, а рост суммы ВРП нестоличных регионов – 200%. Таким образом, хотя после учета фактора столичной регистрации ВДС динамика роста экономики СФО оказывается малоотличимой от динамики в прочих нестоличных регионах, признаки отставания сохраняются.

В целом замедление темпов роста экономики СФО следовало общенациональному тренду. После 2008 г. рост российской экономики сдерживался следующими ограничениями.

1. Как и во всем мире, в России сохранялась долговременная тенденция снижения рождаемости и темпов роста численности населения, а также старения населения с соответствующими последствиями для динамики численности трудовых ресурсов.

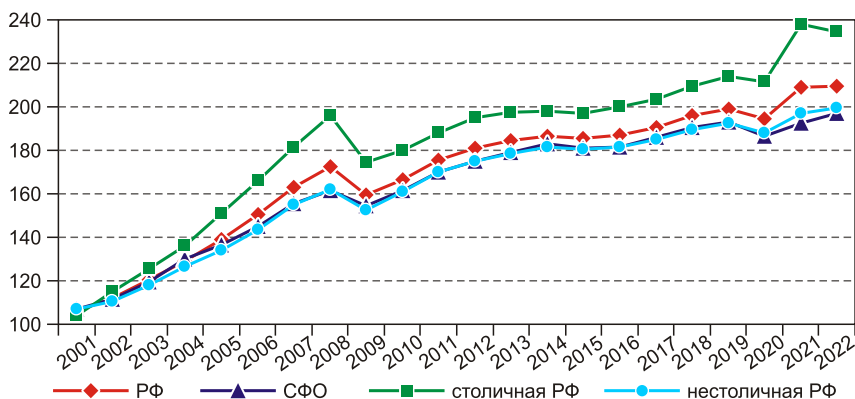

Рис. 1. Индексы физического объема ВРП РФ и ВРП СФО в 2001–2022 гг., % к 2000 г.

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s1998.xlsx

³ В сопоставимой территориальной сетке без учета Крыма и Севастополя.

2. Вследствие общего роста доходов структура конечного спроса и, соответственно, структура производства менялись в пользу отраслей услуг, включающих и такие виды деятельности, где рост производительности труда либо невозможен, либо происходит очень медленно.

3. Была достигнута высокая степень товарности производства, а та часть производства, которая осуществляется населением в режиме самообслуживания и по этой причине не включается статистикой в границы производства, заметно уменьшилась. Данный резерв фиктивного по своей сути роста производства есть в регионах с высокой долей сельского населения, но таких в России немного.

4. В условиях международной политической турбулентности цепочки поставок перестраивались, локализуясь внутри клубов «дружественных» стран. Однако стабильность поставок и снижение критической зависимости от импорта достигаются ценой снижения эффективности производства и роста цен, что замедляет глобальный рост и инновации.

В таблице 1 приведены среднегодовые темпы прироста ВРП по периодам, разделенным кризисами разного происхождения (глобальным финансовым, геополитическим и пандемийным). Очевидно, что темпы 2001–2008 гг. недостижимы: в течение последующих 10 лет экономика РФ росла среднегодовым темпом 1,3%, и лишь после-

Таблица 1

Среднегодовые индексы физического объема ВРП в РФ и регионах по периодам в 2001–2022 гг., %

Регион	2001–2008	2009–2014	2015–2019	2020–2022
Россия	7,0	1,3	1,3	1,7
Столичная Россия	8,8	0,2	1,6	3,1
Нестоличная Россия	6,2	1,9	1,1	1,3
Сибирский ФО	6,2	2,1	1,1	0,8

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s1998.xlsx.

пандемийное восстановление придало ей больший динамизм. Столичный регион, напротив, выделялся повышенными темпами роста. В отличие от него, в Сибирском федеральном округе каждый период характеризуется более низкими темпами по сравнению с предыдущим. Такая же динамика наблюдается и в целом по всей нестоличной России.

Лидером роста за период 2001–2022 гг. в СФО оказалась Новосибирская область (индекс физического объема ВРП составил 263% на фоне 197% по округу), на втором месте была Иркутская область (247%). Вместе они в равных долях обеспечили 42% абсолютного прироста ВРП округа (в сопоставимых ценах), превысив свою долю в ВРП СФО в 1,4 раза (рис. 2). На последнем месте по темпам роста

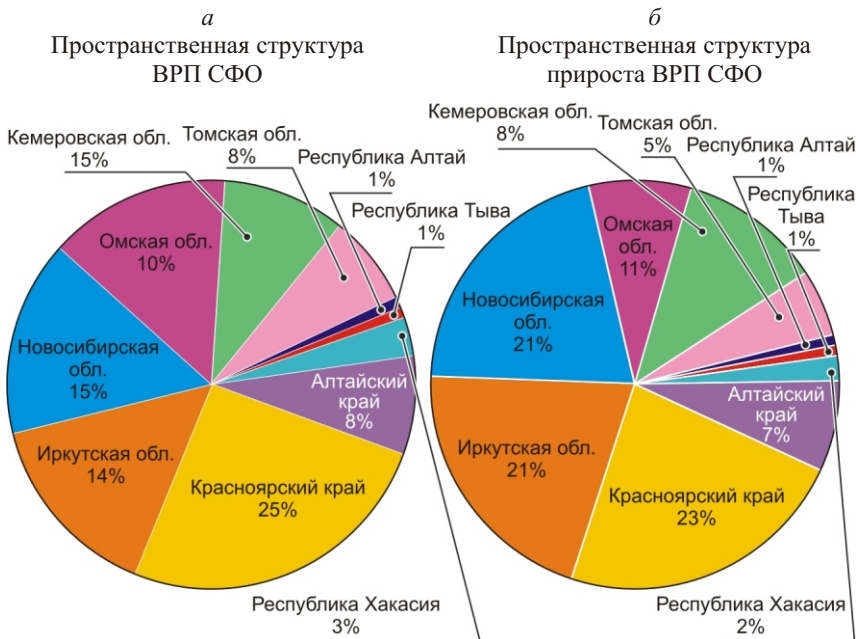

Рис. 2. Вклады субъектов в ВРП СФО в среднем за период 2000–2022 гг. (а) и в прирост ВРП СФО за период 2000–2022 гг. (б) (СФО = 100%)

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s1998.xlsx

ВРП осталась Кемеровская область (143%), вклад которой в рост оказался в 1,8 раза меньше ее веса в ВРП округа. Соответствующие вклады Красноярского края, Томской области, Тувы и Хакасии также были менее чем пропорциональны их удельному весу в ВРП СФО.

Итак, в течение 22 лет СФО медленно терял свои позиции даже на фоне нестоличной России, т.е. с учетом фактора регистрации доходов. Это можно с лихвой объяснить переходом от советской экономики расширенного воспроизводства к современной, в которой территория округа перестала быть местом сосредоточения крупных новостроек. Кроме того, перестали играть значимую роль региональные коэффициенты к заработной плате. В сельскохозяйственном производстве исчезла такая форма косвенного дотирования, как зональные закупочные цены, которые в Сибири были более высокими, чем в европейской части России.

Наряду с названными выше общенациональными и институциональными ограничениями регионального роста, существенный вклад вносили *структурные факторы*, в частности отраслевое наполнение региональной экономики, влияющее на ее способность отвечать на изменения внешнего спроса. Специализация экономики СФО на добыче полезных ископаемых усилилась: если в 2004 г. на территории округа было произведено 7,7% общероссийской ВДС в добыче в текущих ценах, то в 2022 г. – 13,7%. Это было связано с разработкой и вводом в действие нефтегазовых месторождений и созданием соответствующей инфраструктуры в Красноярском крае и, позже, в Иркутской области. По сравнению с советским периодом округ перестал быть топливодефицитным, объемы производимого топлива стали значительно превосходить внутрирегиональное потребление⁴. Сохраняется высокая роль СФО в обеспечении страны электроэнергией (18,5% валовой выработки по стране в целом). В то же время значительно уменьшилась роль округа в национальном сельском хозяйстве (с 15,7% ВДС РФ в 2004 г. до 10,2% в 2022 г.) и обрабатывающей промышленности (с 16,3 до 9,4% соответственно).

⁴ Добыча нефти в 1990 г. (около 10 млн т) была в разы меньше потребностей сибирских нефтезаводов, а к концу 2010-х годов превысила 50 млн т. Добычи газа в прошлом практически не было, в настоящее время она превышает 21 млрд куб. м.

Таблица 2

**Оценки динамики отраслевой структуры, объемов и дефляторов ВДС
в некоторых отраслях РФ и СФО в 2004–2022 гг.**

Отрасль	Доля отрасли в сумме ВДС СФО, %		Индекс физичес- кого объема ВДС за период 2005–2022, раз		Индексы-дефля- торы за период 2005–2022, раз	
	2004	2022	РФ	СФО	РФ	СФО
Всего по ВЭД	100,0	100,0	1,6	1,5	6,2	5,7
Сельское, лесное и рыбное хозяйство, охота	8,7	4,6	1,8	1,4	3,7	3,3
Добыча полезных ископаемых	8,1	21,4	1,5	1,8	8,7	12,7
Обрабатывающие производства	30,8	16,5	1,7	1,2	4,8	3,9
Строительство	4,7	5,8	1,7	2,0	5,4	5,3

Источник: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Нефтегазовый драйвер, равно как и угольный, оказался не столь сильным, чтобы обеспечить опережающий рост экономики СФО на длительную перспективу. Он тормозил отставание округа в 2010-х годах, но уже в 2020–2022 гг. перестал помогать. При этом опережающий рост цен на продукцию добывающих производств СФО повышал вклад данной отрасли в ВДС округа в значительно большей степени, чем превосходство в динамике физических объемов, как это видно из табл. 2. В то же время в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности региональные цены росли медленнее, чем в среднем по экономике, усиливая отставание названных отраслей от национальных трендов.

ВЛИЯНИЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СФО НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

За 20 лет с 2003 по 2022 г. производительность труда в экономике РФ выросла по меньшей мере в 1,7 раза, что явилось результатом как роста производительности внутри отраслей, так и сдвигов в распределении ресурсов между отраслями с разной производительностью.

Оценить относительный вклад этих факторов позволяет разложение годовых приростов производительности труда в соответствии с тождеством (*), в правой части которого выделяются эффект внутриотраслевого роста производительности, статический и динамический эффекты структурных изменений:

$$\Delta \ln Y_i^t = \Delta \ln Y_i^0 + \left(\frac{t}{i} - \frac{0}{i} \right) s_i^0 + \frac{0}{i} (s_i^t - s_i^0) + \left(\frac{t}{i} - \frac{0}{i} \right) (s_i^t - s_i^0), \quad (*)$$

где $\Delta \ln Y_i^t$ – прирост производительности труда за период $[0, t]$; $\frac{0}{i}$ и $\frac{t}{i}$ – производительность труда в отрасли i ; s_i^0 и s_i^t – доля отрасли i в национальной экономике на начало и конец периода соответственно. В качестве оценки производительности труда используем объем ВДС на одного занятого в сопоставимых ценах за период 2002–2022 гг.

Расчеты показали, что среднегодовой темп роста производительности труда на 2,7% был обусловлен ростом внутриотраслевой производительности, увеличивавшейся в среднем на 2,5% ежегодно (рис. 3). Статический эффект структурных сдвигов вносил минимальный вклад (в среднем 0,2%), а динамический был отрицательным и близким к нулю. Полученные результаты указывают на незначительные масштабы межотраслевой реструктуризации.

В период 2002–2010 гг. в РФ между отраслями переместилось 5,4% занятых в экономике и в 2010–2022 г. – 4,6%. При этом около 80% прироста численности занятых пришлось на отрасли с уровнем производительности ниже среднего: с 2010 по 2022 г. доля строительства, торговли, транспорта, гостиниц и общепита и административной деятельности в национальной занятости выросла на 3,8 п.п. В то же время уменьшился на 0,4 п.п. удельный вес отраслей, в которых объем ВДС на занятого оставался выше национального, – электроэнергетики и профессиональной и научно-технической деятельности. С другой стороны, происходили и структурные изменения в пользу отраслей с более высокой производительностью: в добыче полезных ископаемых доля занятых выросла на 0,2 п.п., в информации и связи – на 0,4 п.п., но уменьшилась в сельском хозяйстве на 2,2 п.п. и в обрабатывающей промышленности на 0,7 п.п. В итоге российский индекс производительности труда непрерывно снижался и уже никогда не достигал значений, близких к достигнутому в 2002–2008 гг. 146,5%. В большинстве регионов СФО индексы про-

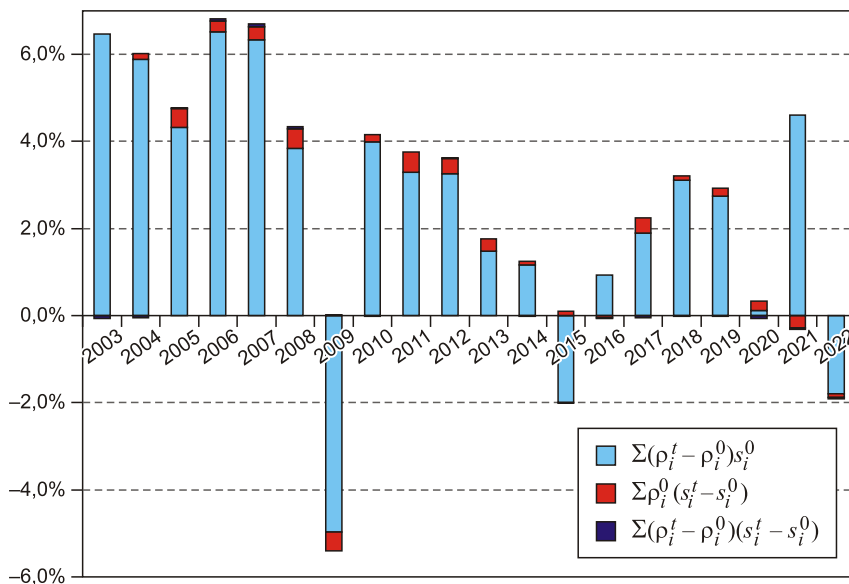

Рис. 3. Структурное разложение годовых приростов ВДС на занятого в экономике РФ в 2002–2022 гг., % к предыдущему году

Источник: расчеты авторов

изводительности труда опережали среднероссийские, но рост их также замедлялся, за исключением Новосибирской области.

В 2022 г. производительность, измеренная объемом ВДС на одного занятого, в СФО составляла 85% к российскому уровню. Лишь в двух субъектах – в Красноярском крае и Иркутской области уровень производительности оказался выше среднероссийского на 22 и на 9% соответственно благодаря продолжению сырьевых, энергетических и инфраструктурных проектов. Ни один из субъектов СФО не выделяется повышенной производительностью в видах деятельности по обслуживанию рынка⁵.

⁵ К таковым относятся гостиничные, информационно-коммуникационные, финансово-страховые, профессиональные и научно-технические, административные услуги.

Интенсивность реструктуризации в СФО была ниже, чем по РФ в целом: в 2010–2022 гг. на фоне общего снижения занятости по округу на 305 тыс. чел. между отраслями переместились 3,5% занятых. В отличие от экономики в целом, в СФО на 1,5% уменьшилась занятость в добывающей промышленности (за счет Кемеровской области и Алтайского края). Увеличилась занятость в строительстве (на 8,8%), на транспорте (на 5,1%), в торговле (на 4,4%), но более всего, на 15,7%, в обслуживающих рынок отраслях услуг (где более половины прироста пришлось на Новосибирскую область и Красноярский край). В целом, изменения в структуре занятости округа не помогали росту производительности труда.

Структурный анализ экономического роста в разрезе субъектов СФО⁶ подтверждает, что определяющий (преимущественно отрицательный) вклад в дифференциацию регионов округа по темпам роста вносил фактор собственной конкурентоспособности региона. Основным фактором, влиявшим на общую динамику роста производства в субъектах СФО, оставался фактор общенациональных условий. Пространственный структурный анализ выявил регионы, которые выигрывают в межрегиональной конкуренции. Это Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области. Среди субъектов СФО высокая или низкая собственная конкурентоспособность региона формируется скорее его успехами или проигрышами в локальной конкуренции на основе сравнительных преимуществ, чем взаимодействиями с более успешными соседними регионами или тормозящим влиянием отстающих соседей. При этом существующий потенциал пространственного перелива роста сосредоточен в Европейской России. Поскольку экономики субъектов округа исторически и до настоящего времени связаны в большей степени с регионами европейской части страны и внешним рынком, чем друг с другом, то существенная часть мультипликативного эффекта отраслевых проектов уходит за его пределы.

⁶ Методика описана в работе: *Мельникова Л.В.* Пространственный анализ динамики структурных сдвигов в экономике российских регионов в 2004–2019 гг. // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 54–79.

ОГРАНИЧЕНИЯ РОСТА СО СТОРОНЫ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Серьезным ограничением экономического роста являются трудовые ресурсы, наличие которых зависит от демографической обстановки в регионе и от его способности конкурировать с другими регионами с точки зрения привлекательности для работников. На 01.01.2024 на территории СФО постоянно проживало 16,6 млн чел., или 11,3% населения РФ, – это на 2,2 млн чел. меньше, чем в 1992 г. Как видно из рис. 4, определяющую роль в формировании динамики населения играл естественный прирост. Миграционное движение населения в основном действовало в одном направлении с естественным.

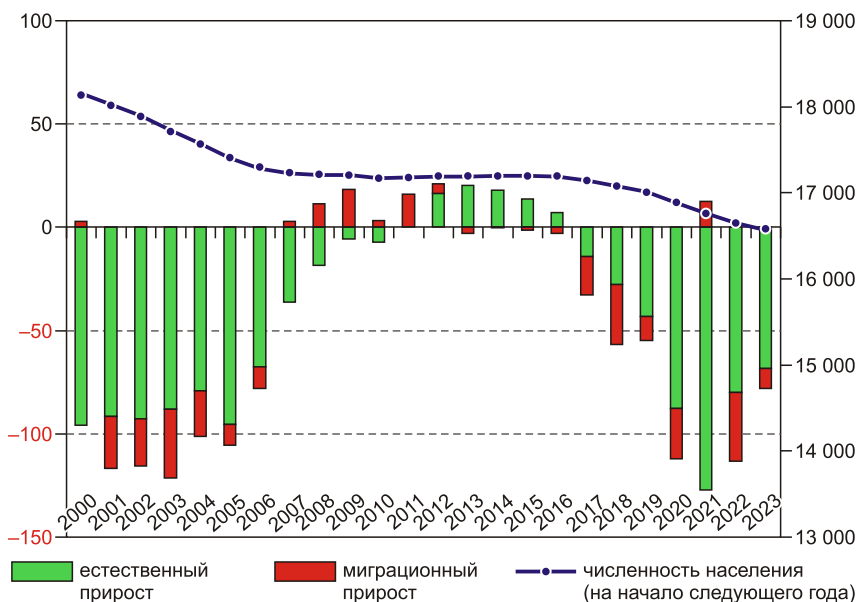

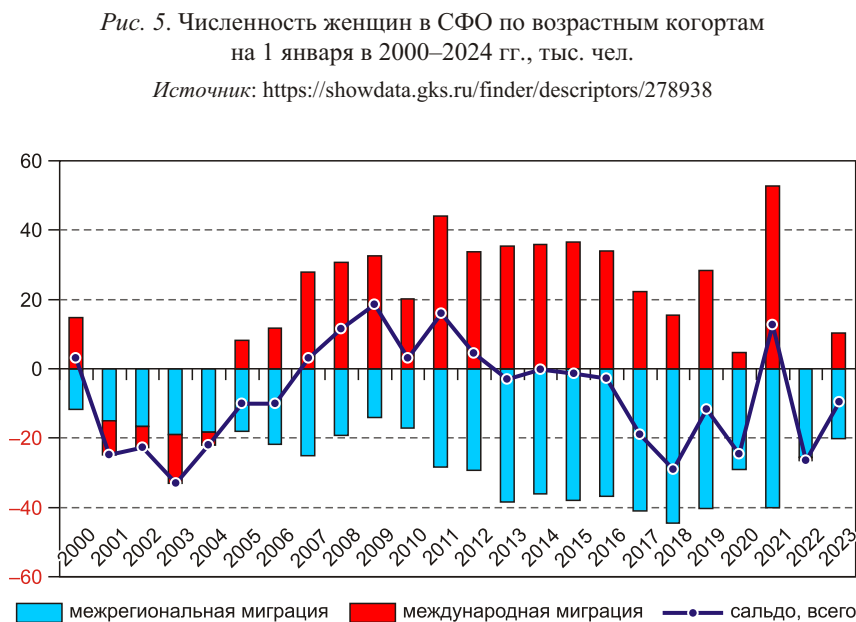
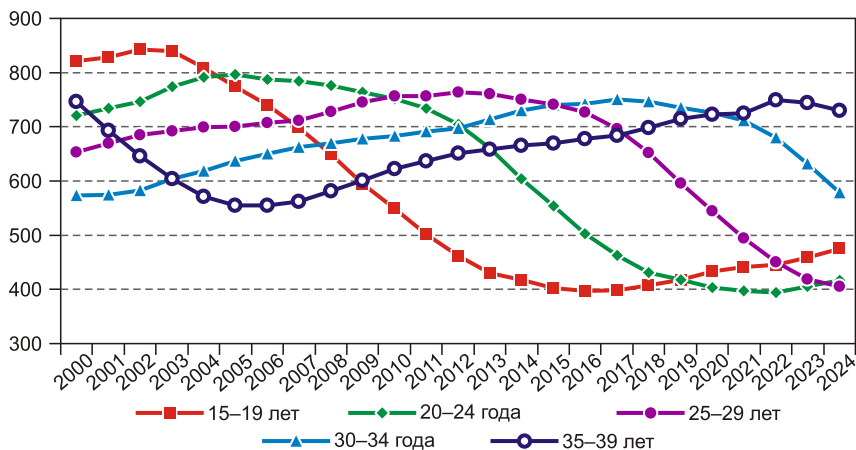
Рис. 4. Изменение численности населения СФО (правая ось) за счет естественного и миграционного движения населения (левая ось) в 2000–2024 гг., тыс. чел.

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/46045,~/61749,~/31557>

Естественное движение населения определялось как общими для страны демографическими факторами, такими как длительный период уменьшения смертности (2003–2019 гг.) и волнообразные изменения численности женщин детородного возраста, так и культурными различиями регионов. Смертность от всех причин в СФО устойчиво снижалась до начала пандемии, но с 2011 г. стала превышать среднероссийскую. Коэффициенты рождаемости в СФО снижались с 2013 г., но на протяжении 2001–2015 гг. превышали среднероссийские значения, хотя к 2021 г. это преимущество исчезло. Соответственно, хотя ожидаемая продолжительность жизни в СФО за период 2000–2023 гг. выросла с 62,8 до 71,0 года, она всегда была в среднем на два года меньше среднероссийского показателя.

Перспективы естественного роста населения связаны с увеличением численности женщин детородного возраста. В настоящее время численность наиболее перспективной с точки зрения деторождения группы женщин в возрасте 20–29 лет в 1,6 раза меньше численности группы в возрасте 30–39 лет. Когорта 20–29 лет находится на дне демографической волны, следовательно, в ближайшие годы ее численность начнет восстанавливаться, тогда как самая многочисленная когорта 30–39 лет прошла свой пик. Уже растет численность когорты в возрасте 15–19 лет, которая по мере перехода в следующие возрастные категории будет способствовать росту рождаемости спустя 7–10 лет (рис. 5).

Положительный миграционный прирост по СФО в целом пришелся на период 2007–2012 гг. (рис. 6). Ранее этого периода и позднее отток населения с территории округа превышал приток. Такая динамика явилась результатом сложения постоянного оттока в другие регионы РФ и волны притока международной миграции, которая начала ослабевать еще до наступления пандемии. Устойчивое положительное сальдо миграции на протяжении всего периода 2007–2023 гг. было характерно лишь для Новосибирской области и Красноярского края. В Томской области знак сальдо сменился с положительного на отрицательный начиная с 2017 г., а в Кемеровской еще раньше – с 2011 г. Остальные субъекты СФО испытывали большей частью отток населения.

Под воздействием описанных факторов сформировалась несколько более «молодая» по сравнению с РФ структура населения СФО. В 2023 г. доля жителей моложе трудоспособного возраста составила 20,2% населения, а доля жителей старше трудоспособного возраста – 23,5% (в РФ – 18,5 и 24,5% соответственно). Отсюда и средний возраст жителя СФО (39,7 года) остается на год меньше, чем по РФ в среднем (40,7 года). Это устойчивое различие: с 2000 по 2023 г. население в СФО и в России постарело в среднем на 3,8 и 3,6 года соответственно.

Тем не менее численность занятых в экономике СФО начиная с середины 2010-х годов уменьшалась, и значительно быстрее, чем в национальной экономике (рис. 7). При этом изменение в 2016 г. методологии учета занятых, которое при ретропересчете добавило в экономику РФ в 2010 г. сразу 4 млн чел., Сибирскому федеральному округу (как и Дальневосточному) не помогло. Сопоставимые цифры за период 2011–2023 г. показывают, что если по РФ в целом занятость выросла на 2%, то в СФО она уменьшилась на 4%, или на 326 тыс. чел.

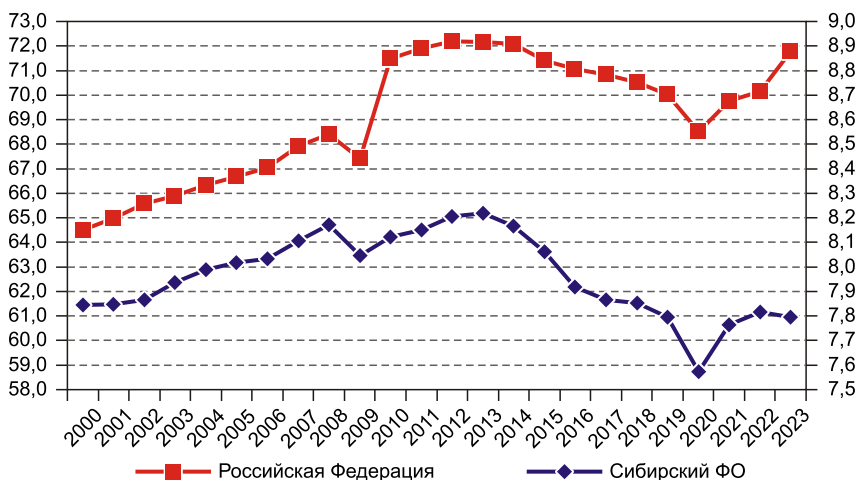

Рис. 7. Динамика среднегодовой численности занятых в РФ (левая ось) и СФО (правая ось) в 2000–2023 гг., млн чел.

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>

Уровень безработицы в СФО в 2022 г., как и в России, достиг минимума за последние 30 лет, но оставался выше среднероссийского. Хронически высокими, двузначными значениями показателей безработицы до недавнего времени отличались республики Алтай и Тыва. Повышенный уровень безработицы (более 5%) также был в Омской, Томской и Иркутской областях. Сочетание абсолютного уменьшения численности занятых и снижения уровня безработицы подтверждает отток работников из региона.

Интенсивность межрегиональной трудовой миграции невелика. Число лиц, выезжающих на работу из субъектов СФО, в 2023 г. составило 2,2% числа занятых в экономике, тогда как по РФ в целом – 3,5%. Число въезжающих в субъекты СФО на работу еще меньше – 1,2% занятых. Баланс въезжающих и выезжающих в большинстве субъектов СФО был отрицательным, за исключением Красноярского края, Иркутской области и, до недавнего времени, Томской области. На добывающих производствах этих трех регионов зачастую используется вахтовый метод. Наибольшее отрицательное сальдо трудовой миграции характерно для Омской области и Алтайского края.

Степень использования иностранной рабочей силы в СФО была ниже, чем по РФ в целом, и с точки зрения привлекательности для иностранных трудовых мигрантов выделяются Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области. В 2022 г. доля иностранцев в общей численности трудовых ресурсов СФО составляла 2,6%, тогда как по России в целом – 3,8%. В Иркутской области их доля составила 5,1%, в Новосибирской – 4,0%, в Красноярском крае – 3,3%. Минимальными значениями этого показателя отличались республики Алтай, Тыва, Хакасия и Алтайский край (менее 1%).

В целом, несмотря на продолжающийся отток населения, демографическая обстановка в Сибирском федеральном округе представляется более благополучной, чем во многих других нестоличных регионах. Для сравнения, в Центральном федеральном округе в его нестоличных областях суммарная численность населения в настоящее время почти на 4 млн меньше, чем была по переписи 1959 г., эти области непривлекательны для мигрантов, и средний возраст жителей

там очень высокий – более 42 лет. По показателям воспроизводства населения СФО уступает только южным регионам.

Миграционный отток населения можно отчасти объяснить тем, что ушли в прошлое те меры поддержки экономики востока и севера, которые имели место в советский период, подобные ранее упомянутым зональным ценам или реально работающим районным коэффициентам. Но главная причина – объективные структурные преимущества столичных регионов, позволяющие им привлекать основную часть сибирских мигрантов. К этим преимуществам относятся не высокая квалификация работников и не совершенство технологий производства (образовательные стандарты и используемая техника у нас практически одинаковы во всех регионах), а специализация на самых выгодных видах экономической деятельности, прежде всего на финансах и оптовой торговле, и сосредоточение здесь головных офисов крупных корпораций. Последние являются источниками привлекательных зарплат и поступлений в региональный бюджет, что позволяет обеспечить максимальное количество социальных льгот для пенсионеров, доступность качественной медицины и качественного школьного образования. Миграция граждан сопровождается покупкой или арендой жилья в столице, что одновременно создает один из каналов миграции капитала, т.е. перетока денег не в пользу Сибири.

В перспективе ограничения по труду будут несколько ослабевать, поскольку в течение ближайших 14–15 лет будет ежегодно возрастать приток в экономику молодых кадров – поколения, родившегося до 2016 г. Ежегодно в основной трудоспособный возраст (примерно 21–22 года) будет вступать все больше людей. Это самая мобильная часть трудовых ресурсов. Есть основания ожидать, что масштабы оттока населения из СФО уменьшатся, в частности в последние годы наблюдается замедление притока в столичный регион.

ФИНАНСОВЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ РОСТА

Финансовые ресурсы региона – это некая статистическая условность, поскольку прямое отношение к его экономике имеют лишь средства, находящиеся в распоряжении консолидированных бюджетов субъектов Федерации. Они практически полностью расходуются

на территории своего субъекта. В соответствии с логикой перераспределения денежных средств между субъектами Федерации трансферты из федерального бюджета должны быть направлены на выравнивание уровней развития экономик, т.е. доля регионов с пониженными душевыми показателями производства и потребления в суммарных доходах региональных бюджетов должна быть выше их доли в суммарном ВРП. Но этот механизм поддержки работает очень слабо: в 2022 г. доля бюджетных доходов субъектов СФО в общероссийских бюджетных доходах составила только 10,5%, что лишь на 1,2 п.п. больше соответствующей доли в ВРП. Тем не менее это больше, чем доля округа в суммарных по стране налогах, которая в 2021–2023 гг. находилась в интервале от 9 до 8%.

Большинство субъектов СФО в части межбюджетных отношений являются регионами-реципиентами. В четырех из них – в республиках Алтай, Тыва, Хакасия и в Алтайском крае – необходимые для обеспечения нынешнего уровня доходов регионального бюджета средства не могут быть получены в нужных объемах даже в случае, если бы все собираемые на их территории налоги и сборы оставались в региональных бюджетах. Реципиентами являются, по сути, Новосибирская и Кемеровская области: лишь в отдельные годы суммарный сбор налогов на их территории превышал доходы бюджетов, но не намного и явно был меньше объемов получаемого ими прямого финансирования из федерального бюджета. Промежуточное положение занимает Омская область. Регионы-доноры – это Красноярский край, Иркутская и Томская области. В перспективе высокий уровень межрегиональных различий в части возможности самообеспечения социальных нужд сохранится.

На относительное благополучие регионов существенное влияние оказывает такой фактор, как объем прямого финансирования из федерального бюджета, которое имеет место для учреждений науки, высшего образования, территориальных подразделений федеральных органов власти, прокуратуры, налоговой службы, органов правопорядка и военнослужащих, а также для строительства и содержания объектов федеральной собственности. Масштабы такого финансирования нигде не публикуются в пространственном разрезе, но с боль-

шой вероятностью можно сказать, что лидером здесь является Новосибирская область как самый большой вузовский центр, научный центр и столица округа. В целом же СФО явно проигрывает по этому показателю, так как в предыдущем десятилетии и в настоящее время самые масштабные финансируемые из федерального бюджета инвестиционные проекты реализовывались в европейской части страны (спортивные сооружения, Крымский мост и иные объекты, обусловленные крымским фактором, модернизация и развитие автодорог, строительство высокоскоростных железнодорожных магистралей).

Важнейший источник финансирования экономики – средства населения. Это прямые расходы граждан на территории региона и их сбережения. И здесь положение СФО еще более неблагоприятное, чем по производственным показателям: доля округа в суммарном потреблении домохозяйств к 2021 г. снизилась до 7,6%. Еще ниже доля сбережений населения округа в суммарных сбережениях граждан России – около 7% суммы вкладов физических лиц в рублях и валюте.

Одним из факторов такого снижения стала отличительная и ставшая почти хронической особенность населения округа – повышенная склонность к заимствованиям. Впервые она привела к превышению общей задолженности по кредитам над суммой всех вкладов во всех субъектах СФО в 2008 г.: на начало 2009 г. это превышение составило 173 млрд руб. В целом по стране имело место противоположное соотношение: сумма вкладов превосходила общую задолженность в 1,5 раза. Второй раз такое соотношение проявилось к 2013 г. и достигло локального пика в 2015 г., когда суммарная задолженность сибиряков превысила объем их вкладов на 235 млрд руб. И начиная с 2021 г. сибиряки вновь были должны кредиторам больше, чем имели на своих вкладах (к 2023 г. – на 469 млрд руб.). Как видно на рис. 8, склонность к заимствованиям усиливалась в кризисные годы по всей стране, но превышение объемов кредитов над депозитами было характерно более всего для жителей СФО. Начиная с 2014 г. это явление проявилось в Северо-Кавказском федеральном округе, а с 2022 г. распространилось на Уральский и Дальневосточный округа.

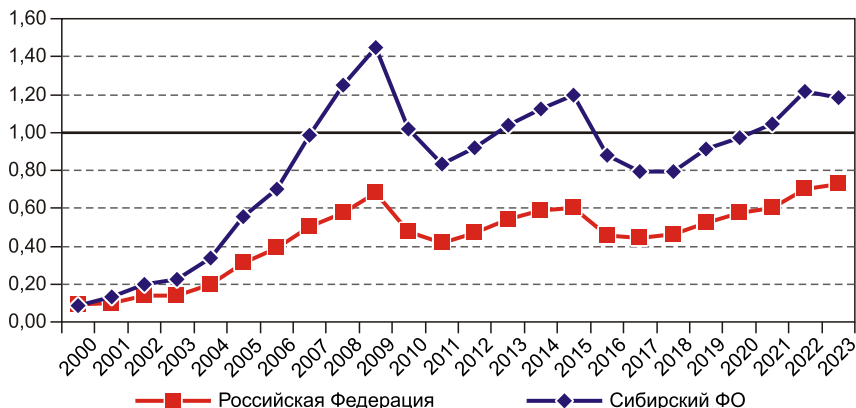

Рис. 8. Отношение задолженности по кредитам к вкладам физических лиц в РФ и СФО в 2000–2023 гг.

Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

В последующем ограничение доступности новых кредитов обусловило снижение показателей потребления в СФО в большей степени, чем в среднем по России. В частности, после 2014 г. и до настоящего времени оборот розничной торговли на душу населения округа в среднем составлял 76% от среднего значения по России, а объем платных услуг на душу – 73%. С 2010-х годов усиливается отставание по удельным показателям ввода жилья: так, в 2023 г. в среднем по России было введено 755 кв. м общей площади жилых домов на 1000 чел. населения, а в СФО – 602 кв. м. Отмеченные явления отражают увеличивающийся разрыв между уровнем денежных доходов на душу населения в СФО и среднероссийским уровнем. Преимущества добывающих регионов (Красноярского края, Иркутской, Кемеровской и Томской областей) в обеспечении повышенных доходов населения исчезли к концу 2000-х годов, в дальнейшем сибирский уровень среднедушевых денежных доходов населения колебался около отметки 78% к среднему по стране.

Причины повышенной склонности населения СФО к заимствованиям требуют специального исследования, но если население округа в целом в долгах, это ограничивает его покупательную способность

на местных потребительских рынках, особенно в периоды взлета процентных ставок по кредитам, ограничивающих, в свою очередь, новые заимствования в условиях необходимости погашать прежние долги. В этих обстоятельствах рассчитывать на высокие показатели объемов производственных инвестиций можно только за счет внешних инвесторов со всеми вытекающими отсюда последствиями для будущих межрегиональных потоков получаемых ими доходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение последних 20 лет продолжалась периферизация экономики Сибирского федерального округа, что отразилось в негативной динамике его экономических показателей, лишь отчасти объясняемой особенностями статистической регистрации доходов. Более значимым фактором спада в экономике региона стала реструктуризация, в ходе которой возрастала роль отраслей с уровнем производительности ниже среднего. В постсоветский период регион перестал быть местом нового масштабного строительства в тех объемах, которых требовала ушедшая в прошлое экономика расширенного воспроизводства. Исключением стали проекты в области добычи и формирования сопряженной инфраструктуры, что незначительно усилило специализацию округа на добыче, тем более что современные методы освоения месторождений не ведут к созданию диверсифицированных экономик. Ни в Красноярском крае, ни в Иркутской области в районах добычи нефти и газа и строительства трубопроводов не появилось ни одного нового поселка с постоянным населением, что ограничивает емкость локальных рынков с негативными последствиями для отраслей, обслуживающих население. Степень диверсификации экономики СФО, измеренная по занятости, оставалась ниже среднероссийского уровня, но была достаточна для того, чтобы делать округ менее уязвимым к конъюнктурным колебаниям цен и спроса.

Другой фактор экономического спада – масштабы инвестиций. В перспективе дефицит федеральных и сопряженных с ними частных инвестиций для СФО может усилиться. Если в прошлом десятилетии в пользу европейской части страны работали такие факторы, как

крупномасштабные инвестиции в спортивные объекты, в Крымский мост и Крым вообще, то в ближайшей перспективе таким, и еще более значимым, фактором может стать восстановление новых регионов России. В таком соревновании федеральных приоритетов СФО безусловно проигрывает. С другой стороны, расширение сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона может смягчить негативное действие названного фактора.

Человеческий капитал также мигрирует из СФО в западном направлении, снижая его рыночный потенциал. В настоящее время проживание в округе не дает гражданам преимуществ с точки зрения уровня жизни. Денежные доходы на душу населения в СФО неуклонно снижались относительно среднероссийского уровня, закрепляя отставание и по душевым показателям конечного потребления. Отставание по доходам сужает возможности населения сберегать и инвестировать.

Основная форма инвестиций населения и признанный драйвер регионального роста – приобретение жилья. По душевым показателям ввода жилья СФО отстает от среднероссийского уровня, а по закредитованности населения по ипотеке и потребительским кредитам – превосходит. Расширение ипотечного кредитования обычно подталкивает темпы жилищного строительства, но дальнейшее его увеличение маловероятно по причине исчерпания высоких темпов роста кредитования и меньшей доходности инвестиционного жилья по сравнению с банковскими вкладами. С другой стороны, уже в ближайшей перспективе увеличение численности закончившей образование молодежи может повысить спрос на жилье. Положительное влияние на рост инвестиций могут оказать также продолжение реализации идеи перехода к обучению в школах в одну смену и завершение программы полного обеспечения дошкольников местами в детских садах.

Одним из тормозов развития периферийных регионов, которые в качестве поставщиков товаров включены в сети отношений за пределами своих границ, являются слабая роль прямых связей между производителями и конечными потребителями и гипертрофированная роль посредничества, торгового и финансового. Забирая средства как у региональных производителей, так и у конечных покупателей

региона, посредничество сокращает потребительский и инвестиционный спрос. Возможности региональных властей по обеспечению прямого доступа производителей к покупателям ограничены и недоиспользуются. Более радикальные меры, направленные на обеспечение регистрации доходов в основном там, где осуществляются реальные процессы производства, – это прерогатива федеральных властей. Большинство крупных отечественных инвесторов юридически расположены за пределами СФО, что обрекает округ на отрицательное сальдо доходов от собственности.

В межбюджетных отношениях большинство субъектов СФО имеют статус реципиента. В перспективе высокий уровень межрегиональных различий в возможностях самообеспечения социальных нужд сохранится в силу устойчивости структурных различий между региональными экономиками. В то же время относительному благополучию регионов в существенной степени способствует прямое финансирование из федерального бюджета, направляемое в учреждения науки, высшего образования, государственного управления. Наличие крупных вузовских городов в СФО позволяет ожидать, что приток федерального финансирования в систему образования округа будет стабилен и по мере ожидаемого роста численности студентов может возрасти, но, с другой стороны, невысокий приоритет науки в бюджете и отток кадров из нее действуют в противоположную сторону.

Периферизация экономики СФО происходила по многим направлениям: это и отставание в производительности, и замедление динамики производства, и отток жителей, и проигрыши в конкуренции приоритетов федеральной политики. При этом следует помнить, что позиция округа в национальной экономике и в системе власти является лишь средневзвешенной позиций субъектов, включенных в его состав (федеральный округ не является участником экономических и властных отношений, не распоряжается финансовыми ресурсами и не является субъектом принятия решений). Процессы периферизации в экономиках сибирских субъектов РФ идут с разной скоростью, с разных уровней и в различающихся масштабах – достаточно сравнить Новосибирскую область с менее благополучными соседями. Более того, периферизация может поменять направление на противополо-

ложное, приводящее к созданию новых центров на территории. Останется ли регион в статусе периферии или сможет изменить свою судьбу, зависит не только от структуры экономики и наличия ресурсов.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-18-00409
«Пространственное развитие России: инструменты моделирования,
оценки и прогнозирование структурно-технологических сдвигов»*

Список источников

1. Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 5. – С. 46–60.
2. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22–40.
3. Кузнецова О.В. Сибирь в федеральной политике пространственного развития // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: Мат. конф. ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Россия, Московская область, 22–24 марта 2023 г.) / Отв. ред. А.А. Шилов, А.О. Баранов; ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН. – М.: Наука, 2023. – Т. 5. – С. 68–72.
4. Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. / Статистическое управление РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1957. – 371 с.
5. Орлов Б.П. Сибирь сегодня: проблемы и решения. – М.: Мысль, 1974. – 208 с.
6. Пилясов А.Н. Сибирь: поиски новой модели развития // Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер; Русское географическое общество. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. – С. 28–59. – (Вопросы географии; № 154).
7. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / Отв. ред. М.К. Бандман, В.А. Калмык, Б.П. Орлов, З.Р. Цимдина; ИЭОПП СО АН СССР. – Новосибирск: Наука, 1980. – 336 с.
8. Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1999. – 296 с.
9. Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 326 с.
10. Суслов В.И., Еришов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Макроэкономические взаимодействия в пространстве России // Экономические стратегии. – 2016. – № 5 (139). – С. 64–71.
11. Kühn M. Peripheralization: Theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities // European Planning Studies. – 2015. – Vol. 23, Iss. 2. – P. 367–378.

Информация об авторах

Ершов Юрий Семенович (Россия, Новосибирск) – старший научный сотрудник отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: erylus@mail.ru.

Мельникова Лариса Викторовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20240404

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 90–119

Yu.S. Ershov, L.V. Melnikova

SIBERIAN PERIPHERAL DISTRICT: STABILITY OR STAGNATION?

The article considers the structural and institutional factors that have determined the levels and dynamics of macroeconomic indicators in the Siberian Federal District (SFD) over the past 20 years. A trend of peripheralization is revealed, manifested in the fact that most of the district's socio-economic indicators lag behind the national average. We highlight the reasons behind changes in the structure of economic activity and income, as recorded by official statistics, which have led to income concentration in capital regions. At the same time, non-capital regions show reduced formal participation in overall outcomes. The resulting gap between the actual distribution of productive forces and the macroeconomic indicators reflects an inter-regional redistribution of financial resources, contributing to strong disparities in living standards. The article also underscores the role of sectoral restructuring in the SFD's lagging labor productivity. Lastly, the opportunities and limitations for economic growth in the district, in relation to labor and investment resources, are analyzed.

Keywords: spatial structure of the economy; dynamics of economic indicators; Siberian Federal District; federal constituent entities; capital region; regional growth limitations and resources; periphery and peripheralization

For citation: *Ershov, Yu.S. & L.V. Melnikova. (2024). Sibirskiy periferiynyy okrug: stabilnost ili stagnatsiya? [Siberian peripheral district: stability or stagnation?]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 90–119. DOI: 10.15372/REG20240404.*

*The article was prepared with the support of the RNF grant
“Spatial development of Russia: modeling tools, assessment,
and forecasting of structural and technological shifts”, No. 23-18-00409*

References

1. Kryukov, V.A., B.L. Lavrovskii, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2020). Sibirskiy vektor razvitiya: v osnove kooperatsiya i vzaimodeystvie [Siberian development vector: based on cooperation and interaction]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 5, 46–60.
2. Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov. (2022). Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuziy [Strategic planning of spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal], 5, 22–40.
3. Kuznetsova, O.V. (2023). Sibir v federalnoy politike prostranstvennogo razvitiya [Siberia in the federal spatial development policy]. In: A.A. Shirov, A.O. Baranov (Eds.). Ekonomicheskaya politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom izmerenii: Mat. konf. INP RAN i IEOPP SO RAN po mezhotraslevomu i regionalnomu analizu i prognozirovaniyu (Rossiya, Moskovskaya oblast, 22–24 marta 2023 g.) [Economic Policy of Russia in the Intersectoral and Spatial Dimension: Proceedings of the 5th Conference of IEF RAS and IEIE SB RAS on Intersectoral and Regional Analysis and Forecasting (Russia, Moscow Oblast, March 22–24, 2023)], Vol. 5. Institute of Economic Forecasting RAS and Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. Moscow, Nauka Publ., 68–72.
4. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR: Stat. sb.* [The National Economy of the RSFSR: Statistical Collection]. (1957). Statistical Administration of the RSFSR. Moscow, Gosstatizdat Publ., 371.
5. Orlov, B.P. (1974). Sibir segodnya: problemy i resheniya [Siberia Today: Problems and Solutions]. Moscow, Mysl Publ., 208.

6. *Pelyasov, A.N.* (2022). Sibir: poiski novoy modeli razvitiya [Siberia: in search for new model of development]. In: V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper (Eds.). Preodolenie “kontinentalnogo proklyatya”: budushchee Sibiri [Overcoming the “Continental Curse”: The Future of Siberia]; Russian Geographical Society. Moscow, Media-PRESS Publ., 28–59. (Voprosy geografii [Problems of Geography]; 154).
7. *Bandman, M.K., V.A. Kalmyk, B.P. Orlov & Z.R. Tsimdina* (Eds.). (1980). Sibir v edinom narodnokhozyaystvennom komplekse [Siberia in the Unified Complex of the National Economy]. Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. Novosibirsk, Nauka Publ., 336.
8. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (1999). Sibir na poroge novogo tysyacheletiya [Siberia on the Threshold of the New Millennium]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 296.
9. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (2014). Sovremennaya rol ekonomiki Sibiri v narodnokhozyaystvennom komplekse Rossii [Contemporary Role of Siberia's Economy in the National Economy Complex of Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 326.
10. *Suslov, V.I., Yu.S. Ershov & N.M. Ibragimov.* (2016). Makroekonomicheskie vzaimodeystviya v prostranstve Rossii [Macroeconomic interactions in the space of Russia]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], 5 (139), 64–71.
11. *Kühn, M.* (2015). Peripheralization: Theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities. European Planning Studies, Vol. 23, Iss. 2, 367–378.

About Authors

Ershov, Yuriy Semenovich (Novosibirsk, Russia) – Senior Researcher at Territorial Systems Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: eryus@mail.ru.

Melnikova, Larisa Victorovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at Territorial Systems Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 22.05.2024.

После доработки 02.09.2024.

Принята к публикации 12.09.2024.